

Пчёлы

Занявши свое новоселье, пчелы прежде всего замазывают и затыкают все отверстия, кроме одной маленькой дырочки, через которую поддерживается сообщение улья с внешним миром. На молодых побегах разных деревьев пчелы находят клейкую массу, и этою-то массою они как можно плотнее законопачивают щели; если в улей вставлено стекло, то они замазывают его, стараясь таким образом сделать свое жилище недоступным не только для внешних врагов, но преимущественно для действия внешнего света. Темнота совершенно необходима для поддержания существующего порядка. Вылетая из улья, пчела является свободным, усердным работником; у себя дома она подавлена, принесена в жертву внешней стройности государственного тела, и потому, чтобы покоряться таким тягостным условиям, чтобы нести безропотно

лишения и труды, не пользуясь своею долею наслаждений, ей необходимо *игнорировать* настоящее положение дел, не видеть и не понимать того, как проводят время царица и трутни. Первый луч света пугает работницу, освещая грязь и бедность ее вседневной жизни; ей становится тяжело и страшно; она приписывает свое неприятное ощущение не тому зрелищу, которое осветил ворвавшийся луч, а именно самому лучу; она старается устранить его, как мы, люди, стараемся порою устранить возникающее сомнение; если любопытный натуралист вставит в улей стеклянное окошечко, его замажут, если он для своих наблюдений вынет замазанное стекло, то в улье начнется волнение при первых лучах света; трутни толпами побегут к отверстию, стараясь закрыть его собственными телами; рабочие полетят за замазкою и начнут заклеивать; внутри улья послышится жужжание, и дела придут в прежнее положение только тогда, когда водворится прежняя темнота.

Но если наблюдатель будет постоянно прочищать отверстие заклеиваемое рабочими и загораживаемое трутнями, если освещение улья будет продолжаться, несмотря на сопротивление всех сословий пчелиного царства, то все дела мало-помалу придут в расстройство. Рабочие перестают работать и начинают понимать, что плодами их усилий пользуются привилегированные классы. Они перестают строить соты, не кормят личинок и не обращают внимания на королеву. Жужжание их усиливается; они собираются в кучки и как будто рассуждают о чем-то, к великому ужасу ториев-трутней и крайнему огорчению царицы, начинающей чувствовать голод и одиночество. Вылетающие рабочие возвращаются без меда, каждая из них сама съедает благоприобретенное имущество;

наконец многие из рабочих совершенно покидают улей, начинают жить на просторе, среди цветущей природы, совершенно в свое удовольствие. Королева умирает с голоду, трутни рассеиваются, личинки погибают, и только стены опустелого улья свидетельствуют о недавнем существовании гражданственного или стадного элемента <...>

Пчелы как-то инстинктивно понимают всю важность материальных условий; чтобы развить в молодом существе известные наклонности, чтобы утвердить в нем такие свойства, которые ему придется прикладывать к делу в течение всей своей жизни, они начинают кормить его известною пищею, отводят ему просторное помещение, заботятся о его чистоте, — и цель достигается вполне; из скромного, трудолюбивого, бесстрастного и добродушного пролетария делается гордая, властолюбивая, жестокая к своим соперницам королева, совершенно неспособная работать, но зато чрезвычайно плодовитая и в высшей степени расположенная к чувственным наслаждениям. При своем трезвом мирозерцании пчелы могли бы сделать великие открытия в области естественных наук, но, к сожалению, забота о насущном хлебе поглощает все живые силы мыслящей части пчелиного народа; у пчел нет ни сословия ученых, ни академий, ни университетов; у них нет даже начатков литературы и поэзии. Они не делают даже самых простых выводов из тех фактов, которые находятся постоянно перед их глазами; они не умеют, например, рассуждать таким образом: ведь рабочая личинка может превратиться в королеву, если я буду кормить ее хорошим сытным кормом; ведь королева — то же самое, что рабочая пчела, только она лучше откормлена и полнее развита; отчего же не кормить всех одинаково, чтобы все могли в

равной мере пользоваться жизнью и производить детей? До этого простого рассуждения пчела никак не умеет дойти, вероятно, потому, что спешная работа не дает ей времени пофилософствовать.

Le travail est un frein», — говорил Гизо в 30-х годах нашего столетия, и, вероятно, его изречение, которое он великодушно применял к французским ремесленникам, может быть приложено не только к людям, но и к насекомым. Задавленные работою, которая не дает им ни отдыха, ни срока с самой минуты их рождения, пролетарии пчелиного королевства не составляют социальных теорий, не задумываются о смысле жизни, и бытовые формы улья остаются неизменными, незыблемыми и неподвижными. Движения мысли нет; постоянного прогресса незаметно; ни один обычай, ни одно учреждение не оказывается устарелым и не заменяется новым. Но спокойствие в улье сохраняется только тогда, когда припасов достаточно, когда кругом улья лежат цветущие луга, на которых тысячи пчел могут находить себе ежедневно обильную добычу. Как только наступает дождливая осень, как только полевые цветы увядают и осыпаются, так обитатели улья начинают чувствовать беспокойство; являются экономические недоразумения; трутни сталкиваются в своих интересах с пролетариями, и это столкновение ведет к страшным, кровавым результатам, ясно показывающим несостоятельность той конституции, которою управляются пчелы.

Не мешает заметить, что запасы меда, набранные в улье, принадлежат рабочим пчелам, которые горою стоят за свою собственность и не позволяют кому бы то ни было завладеть их экономическими суммами. На это никто и не решается, покуда окрестные луга покрыты цветами; трутни отправляются завтракать и обедать за пределы

улья; но, с наступлением осени, такого рода образ жизни становится невозможным; даже рабочие пчелы возвращаются часто в улей с пустым желудком и не приносят на ножках ни меда, ни цветочной пыли; благородные трутни, тяжелые на подъем и не любящие дальних отлучек от родного улья, не находят возможности кормиться и, покружившись над пожелтевшею травой, возвращаются домой голодные и недовольные. Тогда в улье начинаются волнения, смысл которых можно, для большей наглядности, передать в виде совещаний и разговоров между представителями различных сословий, партий и мнений в улье.

Трутни собираются в кучки и с ворчливым жужжанием передают друг другу неутешительные сведения о бесплодии окружающих лугов и еще более неутешительные мнения о том, что при подобном положении дел надо ожидать голодной смерти.

«Мы — привилегированное сословие, — восклицает один из трутней, гордо расправляя крылья. — Мы пользуемся отменным расположением нашей милостивой повелительницы. Работники должны заботиться о нашем пропитании. Это их прямая обязанность; во время летних дней они набрали много меда, и в этом запасе мы должны иметь свою долю. Мы имеем прирожденное право пользоваться общественным достоянием. Теперь, к величайшему сожалению, мы видим, что неразвитая толпа подвергает сомнению наши права. Рабочие пчелы полагают, что запас принадлежит им одним на том основании, что они одни собирали мед и складывали его в клеточки. Тут они явно выворачивают наизнанку самые элементарные основания логики и права. Эти запасы принадлежат обществу, и наше пчелиное государство имеет право распоряжаться ими по своему благоусмотрению, для

покрытия своих насущных потребностей. А разве поддержание нашей жизни и нашего благоденствия не может и не должно быть названо насущною потребностью государства? Разве может существовать улей без трутней, без привилегированного сословия? Запасы принадлежат нам — нам прежде всего. Обеспечив свое существование, мы охотно отдадим часть нашего излишка голодным беднякам-рабочим, но надо же нам сначала утолить свой голод и упрочить за собою продовольствие на будущее время. Пойдемте к королеве, изложим ей наши желания и представим на ее рассмотрение предъявляемые нами права».

Речь предприимчивого оратора приходится по душе слушателям: она соответствует потребностям времени, она разрешает удовлетворительным образом страшный вопрос, поставленный обстоятельствами, вопрос: есть или не есть? — и вследствие этого встречает себе единодушное сочувствие.

Депутаты от благородного сословия трутней отправляются к королеве, и королева не только не съедает их, подобно тому как жители Сандвичевых островов съели европейских парламентариев, но, напротив того, обходится с ними чрезвычайно милостиво и выслушивает с величайшим вниманием их всеподданнейшие прошения. Затем она отвечает им в таком духе, что господам трутням ничего не остается желать.

«Я всегда, — говорит она, окидывая всех присутствующих благосклонным взором, — была убеждена в том, что для прочности и благоденствия государства необходимо существование наследственного сословия пэров; с уничтожением этого сословия распадутся в прах все правительственные основы общества. Вы служили мне верно, вы были

привязаны к моей особе, и ваши доблести вполне заслуживают награды. Вы, без всякого сомнения, прежде всех других имеете право пользоваться накопленными запасами. Я, как повелительница ваша, даю вам честное слово: ваши интересы нисколько не пострадают от наступающих бедствий. Не обращайтесь на ропот рабочих пчел; их назначение — работать, и пока они исполняют свое дело с подобающим усердием, я сохраняю в отношении к ним милостивое расположение. Но вы, пэры мои, не должны заботиться о своем пропитании; у вас есть более высокое и благородное призвание; не забывайте этого и предоставляйте мелкие заботы о насущном хлебе низшим существам, менее вас облагодетельствованным дарами природы. В заключение изъясляю вам, господа пэры, искреннее мое благоволение за то, что вы с таким полным доверием обратились к вашей королеве». Трутни торжествуют и прославляют величие, благодущие и государственную мудрость своей повелительницы. Между тем пролетарии, встревоженные увяданием цветов, также начинают собираться в кучки и толковать...

*Писарев Д.И. Соч. В 4 т.
М., 1956. Т. 2. С. 98—119.*